

Юлия Дунаева

Писатель-популяризатор, поэт, прозаик и публицист. Научный сотрудник Библиотеки Российской академии наук. Пишет стихи и художественную прозу. Ее эссе и рассказ вошли в шорт-листы литературных премий «Блогбастер» (2008) и «Неизвестный Петербург» (2017). Участник поэтического семинара Галины Илюхиной (Санкт-Петербург). Стихи печатались в журнале «Эмигрантская лира». Живет в Санкт-Петербурге.

Тополиные дети

* * *

Хрустит кустарник снежной бусиной,
поляна ягод на рябине,
и лужа — выпивай-закусывай —
лежит, как устрица на льдине.

Сухие солнечные бороды
дворовый ясень украшают.
Ноябрь способен даже в городе
устроить праздник урожая.

Пойдем, пока деревья яркие
в нарядной графике ветвей,
пугать синиц, шататься парками
и пить из термоса глинтвейн.

* * *

В кафе «Кварели» акварелей нет.
Здесь все картины сделаны из глины.
Лоснящиеся рыбы и кувшины —
таким картинам ни к чему багет.

В кафе всегда играет «Эрмитаж».
Здесь никогда не слышали лезгинку,
и девушка — ни разу не грузинка —
за стойкой поправляет макияж.

Здесь в полумраке ходит кот Шумер.
Он старый — ходит и трясет ушами.
Никто не попрекнет его мышами.
Смотри, на стойку вспрыгнуть не сумел.

В кафе «Кварели» подают лагман,
хинкали, пиццу, суши и шаверму.
Официант уносит мой стакан.
«Кварели» закрывается, наверно.
На холмах Грузии лежит ночной туман.

* * *

Белый китель в дубовом шкафу,
за окном — гимнастерка платана.
Город сух, как надменная дама,
не купившая в лавке халву.

Ее муж, как последний матрос,
третий день куролесит под Ялтой.
В Севастополе пусто и ярко
из-за солнечных длинных полос.

В Севастополе теплый октябрь
драит золотом белые стены,
и полотнища крымского неба
над осенним бульваром летят.

* * *

Внучка в розовом,
бабушка в черном.
Оранжевый сачок для бабочек.
Идут в парк — и вдруг дождь.
Черный горошек на сером.
Все равно идут.
Может, скоро закончится?
Шумят, темнеют вершины деревьев.

Кленовые носики на асфальте —
нежные, светло-зеленые.
Умирают.
Можно ли наступать?
Смотрит под ноги внучка.
Бабушка вынула зонтик,
с досадой глядит на небо.

* * *

Всю неделю пытается море
растолкать полусонный песок,
но в лежачей работе упорен
золотистый рассыпчатый бок.

Безмятежно вкушают погоду
обладатели бронзовых спин.
Может, сходим, пощупаем воду?
Не пойдешь? Ну, и ладно. Спи.

Скоро ужин. Терраса остынет,
засверкают в огнях этажи.
Только красный буюк на синем,
как тревожная кнопка, дрожит.

* * *

Душный полдень спасением не назову.
Тополиные дети марают траву.
Тополиные дети хлопчатые, летучи,
Однородны, как прах, и, как порох, горючи.
Мановение тоталитарной жары,
тополиных детей превращает в шары.
Они катятся, катятся, катятся вдаль
по шоссе, что похоже на серую сталь.
В каждом коконе зернышко жизни искрится,
но на каждый нашита железная птица.
У нее ненасытный безжалостный рот,
она мертвые головы жадно клюет.
У дежурного ливня тяжелое брюхо,
но чужая земля не становится пухом.